

Отзыв официального оппонента
о диссертации Анны Дмитриевны Маглий
«Роман о художнике в русской прозе конца XX – начала XXI века»,
представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература

Современная русская проза – динамично развивающееся явление, представляющее огромный интерес для исследователя и по своим формально-содержательным характеристикам, и по свойственному ей диалогу с традициями русской классической литературы, и в плане типологии художественного сознания. В рецензируемой диссертации предложен собственный и, как доказывает работа, весьма продуктивный взгляд на русскую прозу постсоветской эпохи – рассматривается такой синтетический и имеющий глубокие литературные корни тип романа, как роман о художнике. К чести А.Д. Маглий следует специально отметить, что сам образ художника понимается ею в широком, метафорическом смысле, что позволяет не только расширить материал работы, но и обозначить определенные литературные тенденции в «жанровой модификации» романа о художнике, посмотреть по-новому на обе ключевые для современной отечественной словесности проблемы: проблему героя эпохи (в соответствии с изысканиями А.Д. Маглий, в типологии героев эпохи свое место должен занять и тип героя-художника) и проблему стилевых поисков и сложного диалога между модернистскими и постмодернистскими интенциями в прозе, с одной стороны, и «художественным документализмом», «биографизмом» и исторической прозой – с другой.

С этой точки зрения **актуальность** работы не вызывает у нас сомнений: во-первых, жанровые исследования по-прежнему являются перспективными и результативными для современной филологии, причем

следует особо обозначить их ценность для изучения сферы современной литературы, характеризующейся многообразными трансформациями жанров, жанровыми диффузиями, поисками новых способов повествования. На этом фоне выстроенная А. Маглий эволюция романа о художнике: от эпохи романтизма – через художественные открытия модернистов – к современным образцам жанра, востребованным и литературной средой, и читателями – представляется нам крайне важной и заслуживающей всяческого одобрения. Во-вторых, изучение «романа о художнике» помогает прояснить ряд значимых для современной прозы закономерностей в работе с «биографическим» и «историческим» сюжетом, в особенностях использования экфрасиса и осмысления творчества как специфического вида деятельности. Ценно и то, что в своей работе А. Маглий активно обращается к опыту зарубежного современного романа о художнике, что позволяет ей осмыслить явление в широком контексте.

Новизна работы очевидна: а) она связана с предметом исследования, поскольку если отдельные статьи по анализируемым в диссертации романам найти возможно, то общей концепции романа о художнике в современной русской литературе прежде не существовало; б) жанровые штудии А. Маглий приводят ее к выводам обобщающего характера, касающимся принципиальных свойств современного романа о художнике, позволяющим рассмотреть этот тип романа как самостоятельную художественную систему: «Трансформация в текстах биографического начала определяет специфику изображения героев – творческих личностей и особенности создаваемых этими героями произведений (романов, сценариев и т. д.), а также хронотоп и сюжетно-композиционное строение рассматриваемых текстов о художнике» (С. 9). В целом, работа иллюстрирует основные этапы становления и развития жанра романа о художнике и демонстрирует как постоянный интерес писателей к проблеме изображения творческой личности, так и изменения, претерпеваемые этой разновидностью романа в истории мировой

литературы в зависимости от стилевых направлений и авторских повествовательных стратегий.

Размышляя над работой А. Маглий, мы пришли к выводу, что роман о художнике в современной прозе обладает особой востребованностью. И с этой точки зрения у нас вызывает вопрос сам принцип отбора материала для исследования, нигде в работе не прокомментированный. Поясним: в соответствии с заявленной темой, речь в исследовании должна была бы идти о романе о художнике всего постсоветского периода, на деле же в работе диссертантки присутствует подробный разбор романа А. Битова 1987 года, а далее сразу следует литература начала 2010-х годов. Мы понимаем, что рамки кандидатской диссертации достаточно специфичны, но это не объясняет отсутствия хотя бы упоминания о множестве романов о художниках, созданных в нулевые годы: это и «Казус Кукоцкого» Л.Е. Улицкой 2001 г. (тут напрашиваются параллели с образом врача-творца у Е.Г. Водолазкина и образами «тайновидцев»-«художников» акушера Кукоцкого и его жены-чертежницы), и «Венерин волос» (2005 г.) М.П. Шишкина с его явно автобиографическим образом переводчика-«толмача» и образом певицы Бэллы, и «Почерк Леонардо» (2008 г.) и «Белая голубка Кордовы» (2009 г.) Д.И. Рубиной с их образами художников в прямом смысле этого слова, не говоря уже о «Таинственной страсти» В.П. Аксенова (2007 г.), напрямую связанной с проблемами исторического и биографического нарратива о творческих личностях. С другой стороны, по объективным причинам не попавший в исследование последний по времени написания роман Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2016 г.), главный герой которого является художником и в прямом, и в переносном значении, только подтверждает наблюдения и выводы А. Маглий.

В первой главе работы представлен подробный и эрудированный системный анализ причин возникновения, жанровых признаков и динамики развития романа художнике, сформулированы основные жанровые маркеры

этого типа романа. Мы видим, что становление романа о художнике тесно связано с периодами расцвета тенденций к внутрилитературному и межкультурному синтезу (романтизм, модернизм, современные неомодернистские поиски), поскольку именно для названных художественных систем фигура художника, его человеческого и творческого становления, проблемы взаимодействия творца и обывателей, поиски новых способов повествования о творческой личности и об искусстве как квинтэссенции бытия – имеют принципиальное значение. Немаловажно и то, что А. Маглий рассматривает вариации романа о художнике в реалистической и даже в средневековой литературе. В этой главе, опираясь на труды отечественных и зарубежных филологов, А. Маглий выявляет жанровую специфику романа о художнике (особенности хронотопа и композиции, использования экфрасиса, прием «романа в романе», фрагментарность или незавершенность и, конечно, особый тип героя – творческая личность), модификации которой и будут ею проанализированы на примере русской литературы указанного периода.

Переходя к непосредственному предмету исследования, А. Маглий пишет: «Во второй половине XX под влиянием постмодернистского представления о мире, пришедшего на смену модернизму, возникает новая версия *романа о художнике*, в которой традиция романтического, символистского, реалистического, модернистского романа о художнике трансформируется» (С.61). И ранее, в положениях, выносимых на защиту, А. Маглий утверждает: «Традиции романтического, символистского, реалистического, модернистского романа о художнике трансформируются в прозе о художнике конца XX – начала XXI века в соответствии с постмодернистскими представлениями о мире и современными техниками письма» (С. 8). В финале же работы ею подчеркивается: «Литературная традиция *романа о художнике* в них (рассматриваемых романах. – Я.С.) трансформируется в соответствии с постмодернистской стратегией» (С. 152).

Соответственно, мы вынуждены сделать вывод о том, что рассматриваемые в диссертации произведения А. Маглий относит к постмодернистским, или, скажем мягче, по ее мнению, они находятся в определенной зависимости от постмодернистской философской и художественной парадигмы.

Со своей стороны, мы всецело соглашаемся с тем огромным влиянием, которое оказал постмодернизм на трансформацию художественного сознания вообще и на современную русскую прозу – в частности. Но если отнесение романа А. Битова к постмодернистскому направлению возражений у нас не вызывает, то подразумеваемая характеристика романов Е.Г. Водолазкина «Лавр» и А.Н. Варламова «Мысленный волк» как постмодернистских или созданных под влиянием постмодернизма – требует, как минимум, очень серьезного обоснования, отсутствующего в работе.

Наоборот, при анализе романа «Лавр» диссертантка совершенно справедливо, с нашей точки зрения, обобщает: «Лавр» только на первый взгляд может показаться по-постмодернистски фрагментарным. Назвать его постмодернистским романом так же относительно, как и Средневековье – основным временем действия в нем. Древнерусский язык соседствует с современным русским, постмодернистские техники письма совмещаются с реалистическими и модернистскими» (С. 133). А. Маглий приводит и мнение самого Водолазкина, прямо говорящего в интервью, что его приемы создания текста восходят не к постмодернизму, но к средневековой литературе (С. 112-113). Еще менее, на наш взгляд, соотносятся с постмодернизмом художественные принципы А.Н. Варламова, чей роман «Мысленный волк» профессор В.А. Мескин напрямую сравнивает с романом русских символистов (Мескин В.А. «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика, 2017. № 1, С. 55-65). Тем самым, нам представляется, что при оригинальном и концептуальном решении вопроса о жанровой природе данных романов, А. Маглий, при всех

приводимых ею оговорках, недостаточно продумала вопрос об их стилевой принадлежности и о взаимодействии, в первую очередь, с наследием модернизма, а не постмодернизма, что, соответственно, к сожалению, не нашло своего отражения и в выводах исследования.

Вторая глава работы посвящена эволюции романа о художнике в современной русской прозе. И здесь мы хотим поддержать молодую исследовательницу, отважно сопоставившую романы А. Битова, В. Левенталя, А. Волоса, А. Варламова, Е. Водолазкина, доказавшую наличие у них (при всей разнице тематики и поэтики) общей проблематики и типологически близкого образа художника-творца. Перед нами – успешная попытка создать некую обобщающую концепцию на материале самой современной прозы, которая, как известно, сложнее всего поддается анализу в силу отсутствия временной дистанции и устоявшихся критических и литературоведческих оценок.

А. Маглий подробно рассматривает философию времени и истории, свойственную указанным романам. И здесь мы снова согласимся с диссертанткой: исторический дискурс является, возможно, смысло- и формообразующим для современной прозы, отражая глубинные общекультурные запросы. Но А. Маглий показала принципиальную связь между обновлением исторического повествования и поисками новых форм биографического романа. Это тем более важно, что А.Н. Варламов обладает огромным опытом написания биографических романов для серии «Жизнь замечательных людей» (и, безусловно, при написании «Мысленного волка» использовал материалы романов о Пришвине, Распутине, даже Андрее Платонове), а Е.Г. Водолазкин принимал участие в составлении современных биографий святых Кирилло-белозерского монастыря, наделив некоторыми чертами этих святых своего Лавра (в частности, дар слез роднит Лавра и Кирилла Белозерского). С этой точки зрения ее работа открывает совершенно новые перспективы для осмысления эволюции биографического и

документального начала в современных модификациях исторического романа.

А. Маглий предпочитает называть эти романы «неисторической прозой», подчеркивая те кардинальные трансформации, которые претерпевает исторический нарратив в эпоху пристального интереса к «истории повседневности», которым, нам думается, и объясняется во многом смещение фокуса внимания в современном историческом романе: от исторических персонажей и эпохальных событий – к писателям, творческим личностям, чьи биографии имеют полулегендарный или существенно переосмысленный авторами вид.

Мы хотели бы выделить параграфы, в которых анализируются романы «Мысленный волк» А.Н. Варламова и «Лавр» Е.Г. Водолазкина. Нам близко предложенное А. Маглий прочтение романа «Мысленный волк» как «текста о метанойе» (с. 110), в котором исторические события спроецированы на апокалипсическую символику битвы добра и зла, греха и жертвенности. Еще более понравился нам анализ романа «Лавр», в котором сложная жанровая природа романа, ставшего своего рода энциклопедией древнерусской литературы (используются черты жанра жития, хождения, исторической повести, бытовой повести, а также травники, сборники средневековых афоризмов и т.д.), поясняется через образ Толковой Палеи: «В целом же «Лавр» можно назвать современной Палеей, в которой, согласно законам жанра, повествование о событиях прерывается естественнонаучными рассуждениями. <...> Именно Толковая Палея стала пратекстом для романа, определив его проблематику и общий структурный облик» (С. 123). Мы совершенно согласны с тем, что «Лавр» – это точка сходимости разных жанровых форм» (С. 115), а потому именно этот роман наглядно раскрывает весь огромный этико-эстетический потенциал современной прозы о художнике, подчеркивает верно нащупанную А. Маглий связку: историческое – биографическое – творческое (художественное).

При всем общем положительном впечатлении, которое оставляет работа, мы можем выделить и ряд незначительных недостатков в ее оформлении, а также неподготовленных утверждений. Например, нам не кажется продуманной система ссылок, при которой часть цитат сопровождаются постраничными сносками, а часть – указанием в квадратных скобках на номер в списке литературы, где каждый раздел этого списка имеет собственную, а не сквозную нумерацию. Также мы не считаем обоснованным утверждение, что «в основе «Лавра» – реальная история из жизни Варлаама Керетского» (С. 133), поскольку герой романа соотнесен со множеством персонажей средневековой книжной и устной словесности: от уже упомянутого нами Кирилла Белозерского до юродивого Василия Блаженного и даже Ксении Петербуржской. Арсений-Лавр символизирует собой, образно выражаясь, соборное множество русских святых и юродивых.

Но все эти недочеты не носят принципиального характера, а высказанные выше полемические соображения приглашают диссертантку к дискуссии, но не снижают нашей одобрительной оценки работы, ни в коем случае не подвергают сомнению значимость проведенного диссертационного изыскания.

По нашему мнению, работа А.Д. Маглий состоялась, перед нами – концептуальное и актуальное исследование, обладающие научной новизной и значимое в контексте изучения современной русской литературы. Наблюдения и выводы исследования должным образом апробированы на 8 конференциях и в 14 публикациях (из них 8 – в научных журналах их списка изданий, рекомендованных ВАК РФ, и 1 – в издании, входящем в базу Scopus), публикации и автореферат отражают основное содержание работы. Отдельно отметим, что перевод приводимых в диссертации цитат из работ зарубежных ученых выполнен самой А.Д. Маглий, а также работа снабжена приложением: авторским переводом одной из основополагающих для исследования теоретических статей, посвященных проблеме биографизма в

современной европейской литературе (Жефен А. Жанр имен: “Биофикшн” в современной французской литературе).

Считаем, что диссертационное исследование «Роман о художнике в русской прозе конца XX – начала XXI века» является научно-квалификационной работой, соответствует необходимым квалификационным признакам, определенным п. 9, 10 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» (утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор, **Маглий Анна Дмитриевна**, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук по специальности 10.01.01–русская литература, профессор кафедры русской литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета

15.05.2017

Янина Викторовна Солдаткина

Солдаткина Янина Викторовна
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Тел. 8-499-2465712
E-mail: yav.soldatkina@mpgu.edu
<http://www.mpgu.edu/>

